

Кроме этих двоих, занимающих видное положение, при дворе находились десятки других. Эйн и Дункан находились под охраной, стоя у стены и окруженные повстанцами с копьями. Несомненно, их судьбы также были заложниками требований мятежников. Четыре другие женщины-рыцари Ордена Белого Льва подверглись самому вопиющему унижению: с них сняли доспехи, надели кожаные поводки и держали в стае в углу комнаты, приказав лежать на четвереньках со склоненными головами. Толстобрюхий мятежник, улыбаясь сквозь кривые зубы и густые усы, держал их поводки, как хозяин гончей держит свою свору. Старый Галейн, белобородый тренер по фехтованию, который обучал их всех с детства, был прижат острием ножа к стене, чтобы наблюдать за их унижением.

"Наконец-то прибыл почетный гость!" - возвестил сидящий на троне грубиян и язвительно хлопнул в ладоши, насмехаясь над изысканностью королевского двора. "Принцесса Сигальда, бронзовокожая львица. Воистину, я нахожусь в присутствии величия".

"Свинья! Ты смеешь это делать?!" воскликнула Сигальда, жестом указывая на женщин-рыцарей. Она хорошо их знала: все красивые и молодые, у каждой свой цвет волос, каждая назначена управлять отдельным квадрантом королевства. Бертина с северо-запада, вороноволосая и искусная соколиха, охотница, не знающая себе равных, владелица легендарного лука Гомоддка, пожалуй, уступала Сигальде в статусе воина... но вынужденная лежать на полу, прижав большие груди к ковру, а круглую, бледную, атлетическую попку к воздуху, она не выглядела таковой. Действительно, все четыре гордые женщины-воительницы находились в непристойных позах, с обнаженными кисками, на которые подглядывали со спины их похитители.

"Вы можете обращаться ко мне как к Старру", - спокойно ответил мужчина. "И если я, блядь, позволю себе воспользоваться вашей благородной речью, то с вашей стороны было бы опасно от нее отказаться". Он жестом указал в сторону, где стояли Эйн и Дункан, и оперативник, находившийся неподалеку, достал кинжал и приставил его к горлу слабоумного юного принца, вызвав писк и заставив его выразительные, с длинными ресницами глаза наполниться испугом. Одетый в вышитую тунику и прозрачные колготки, которые не могли не демонстрировать тонкое, мягкое тело, лишенное мышц, Эйн больше походил на танцовщицу, чем на наследника престола. Однако его маленький рост не вызвал у тюремщика никакого отпора, и нож, вонзившись в его молодое горло, пустил струйку крови.

"Не мучай его больше!" воскликнула Сигальда. "Он наследник рода Цвей. Причини ему вред, и наши союзники уничтожат тебя! Древние договоры обязывают королевство магов Гараванта к действиям, меры государственного строительства, недоступные этому жалкому бунтарю!"

Но тут голос прервался, старый и жалкий, исходящий от фигуры в черной одежде, которая пряталась за самим тронном. Это была женщина, болезненно худая и истощенная, скорее ящерица, чем человек. "Гаравант не должен вмешиваться", - прорычала она с издевательским смешком. "Ибо даже когда твоя семья заключала древние сделки, были заключены новые".

Сигальда моргнула. "Ты говоришь глупости, старая ведьма!" - возразила она. Какая галерея странных народов пришла в тронный зал ее покойного отца! Однако сторбленная и жалкая старуха не выказала страха и подошла к Сигальде, с трудом передвигаясь и опираясь на скрюченную старческую трость.

"Ты не должна так говорить с Агатой Полынь, которая владеет ухом Совета магов", - сказала она, ее голос был похож на шелуху старой шелухи. Сигальда нахмурила брови от удивления, которое могло бы показаться милым для менее воинственной женщины. Это имя она слышала и раньше, в основном в историях, которые, скорее всего, были неправдой - теневая фигура темных искусств, которая ходила за стенами замка Гаравант.

"Ты не она", - нерешительно сказала Сигальда, но слова не имели силы.

Золотые глаза Агаты расширились, демонстрируя дикое, опасное безумие. "А вот и я!" - ответила она, а затем протянула одну костлявую руку, чтобы грубо нащупать грудь Сигальды, проникая под скудную защиту бикини, чтобы взять в руки всю мякоть. Сигальда могла бы поймать ее запястье, сломать его, как ветку, но это грозило копьем в позвоночник, не говоря уже о перерезанном горле ее брата, если хотя бы часть того, что говорили Старр и старуха, была правдой. Вместо этого она резко вдохнула воздух, закусил губу и терпела.

"Чувствительные, не так ли?" - насмехалась старуха и провела большим пальцем по соску. "И торчат, как член рыбака в базарное утро!" Она снова захихикала и устремила на Сигальду обвиняющий взгляд. "Думаю, тебе это нравится, не так ли? Неужели твой могучий сучий ящик так мало использовался, что нагревается от прикосновения старухи?"

Это оскорбление заставило Сигальду отбить руку, и Агата вскрикнула, когда копы похитителей Сигальды уперлись остриями в поясницу. Покрытое бородавками лицо старухи сразу приняло злобное выражение, и она прорычала сквозь кривые желтые зубы. "Ты, коричневокожая сука! Ты должна научиться любить прикосновения тех, кто еще более мерзок, чем я. Ибо если Гаравант хочет захватить эту землю, род Цвай должен быть прорежен, как добавляют воду в пересоленное рагу!"

Она повернулась к Старру, который наблюдал за происходящим с отдаленным интересом, как головорез, без особого понимания наблюдающий за тонкостями переговоров. Его роль всегда была ролью убийцы и кулака. Осквернитель и вандал, а не завоеватель. "Делай, что хочешь", - сказала Агата и сплюнула на землю рядом с Сигальдой, бросив последний неприятный взгляд, когда та, ковыляя, возвращалась на свое место возле трона. Грубиян прошел мимо Агаты и приблизился на расстояние фута к принцессе, которая стояла ниже его, ибо он был высоким человеком, исхудавшим, словно сделанным из бритвенной проволоки. Когда его грязно-карие глаза встретились с ее голубыми, в воздухе повеяло враждебностью.

"Встань на колени", - сказал он, не сводя с нее глаз.

Глаза Сигальды, казалось, загорелись. "Никогда! Я скорее встану на колени перед самим дьяволом, чем перед тобой!" Ее грудь вздымалась от ярости, заставляя покрытые капельками пота груди соблазнительно вздыматься и опускаться в своих бронированных колыбелях. Ее диафрагма двигалась, вбирая воздух, ее рельефные животы вздымались и опускались, не теряя при этом своей сверкающей привлекательности. Ее бедра и ляжки казались напряженными для прыжка, и это состояние как никогда показывало их толщину и атлетизм. Она никогда не была так прекрасна, как в бою, никогда не была так соблазнительна, как в гневе. Ее светлые волосы ниспадали на шею, словно шипастый саван.

<http://erolate.com/book/3855/104540>